

ФИНАНСЫ И ИНВЕСТИЦИИ

Королев С.В.¹

ФИНАНСОВЫЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В ПЕРСПЕКТИВЕ ТЕОРИИ РУДОЛЬФА ГОЛЬДШАЙДА

В начале XX века профессор из Германии Рудольф Гольдшайд — ни много, ни мало — «придумал» новую науку, которую он назвал «социологией финансов» (*Finanzsoziologie*). В рамках этой науки он попытался синтезировать экономический, социологический, антропологический и юридические подходы к финансовым проблемам современного государства. Однако эта наука не состоялась, ибо всякая отрасль нового знания нуждается в преемственности, но свою школу Рудольфу Гольдшайду создать так и не удалось. Его прозрения и предупреждения были непонятны современникам и до сих пор во многом остаются «гласом, вопиющего в пустыне».

В 1926 году в статье «Сущность и значение социологии финансов» Гольдшайд писал: «Социология финансов /.../ не только показывает, каковыми являются те или иные общественные отношения, которые определяют общественные потребности и способы их более прямого или более косвенного удовлетворения, но и (доказывает), что взаимосвязь и эволюция этих отношений решает вопрос о том, как развиваются взаимоотношения между общественными расходами и общественными доходами. *Расходы и доходы* определенного сообщества — (вовсе) не те феномены, которые *продолжительное время* можно рассматривать *изолированно друг от друга*»² (курсив мой. — С.К.).

По убеждению Гольдшайда публичные финансы и, прежде всего, их структура могут предоставить богатый материал для социологического исследования, а мы добавим, также и для политологического и *юридического*. В перспективе социологии финансов Гольдшайд сформулировал, по крайней мере, два важных принципа и, одновременно, метода бюджетной политики.

Первый принцип гласит: «Скажи мне, как и за счет кого ты приобретаешь свои доходы, и я скажу тебе, как должна быть составлена твоя расходная часть»³. Второй принцип является, по сути, изложением первого, но только «методом от противного». Он гласит: «Скажи мне, для чего ты хочешь сделать расходы, и я скажу тебе, какими средства-

ми, обременением каких слоев населения, при помощи насколько большого и какого сорта бюрократического аппарата ты раздобудешь требуемые для этого доходы»⁴.

Творчество Гольдшайда многогранно, он обогатил не только социологию, экономику, но и юридическую науку многими важными идеями и новыми подходами. Среди них особое значение для целей нашего исследования имеют, во-первых, переосмысление *природы* финансовой науки и финансового права; во-вторых, революционный взгляд на соотношение *конституционного* и финансового права; и, в-третьих, критика финансовой политики и финансового права с точки зрения *социальной антропологии*.

Природу финансовой науки и финансового права, по мнению Гольдшайда, можно постичь лишь в рамках анализа *истории* публичных финансов. На это в духе сэра Карла Поппера, можно было бы возразить, что история возникновения какого-либо социального института представляет собой *уникальный факт*, из которого, строго говоря, невозможно вывести какую-либо закономерность, устанавливающую «обязанность» для современных или будущих поколений. Более того, для современности более значимым является вопрос не о происхождении того или иного социального института, а о том, выполняет ли этот институт свои функции «здесь и сейчас» или нет.

С учетом этих возражений позицию Гольдшайда можно изложить в терминах гегелевского или марксистского «отчуждения»: современная западная цивилизация характеризуется высоким барьером отчуждения между общественными потребностями, с одной стороны, и финансовой системой государства, с другой. Таким образом, современные институты публичных финансов, в отличие от публичных финансов Средневековья, стали *по преимуществу* выполнять не свойственные им прежде функции, например, функцию обслуживания т.н. национального долга, в ущерб *первичных* функций, ради которых и возникли институты бюджетного и налогового права.

Более того, по убеждению Гольдшайда, перерождение функций финансовой системы и финансового права, в ко-

По убеждению Гольдшайда публичные финансы и, прежде всего, их структура могут предоставить богатый материал для социологического исследования, а мы добавим, также и для политологического и юридического.

¹ Королев Сергей Викторович — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права РАН, автор около 40 публикаций, включая две индивидуальные монографии.

² Goldscheid R. Wesen und Bedeutung der Finanzwissenschaft. // Handbuch der Finanzwissenschaft in 2 Bden. Hrsg. von W. Gerloff und F. Meisel. Tübingen.: Mohr. Bd.1. 1926. S.147.

³ Goldscheid R. Op. cit. S. 147.

⁴ Goldscheid R. Op. cit. S. 147.

нечном итоге, извращает и сущность государственной власти как власти публичной, а не корпоративной. «Как бы невероятно это ни звучало, но теория финансов шагает своим путем, почти в полном отстранении от истории финансов»¹. По мнению Гольдшайда, ученые часто не осознают того исторического факта, «что истоки государственного оформления сообществ лежат в организации их обороны и финансов»².

Так, в рамках т.н. Римской Империи Германской Нации «князя немецких земель, начиная с 12 века, взимали регулярный прямой налог со всех своих подданных, от которого освобождались лишь лица, состоящие на военной службе»³. Такой налог на старонемецком языке назывался «Bede», что соответствует современному немецкому слову «Bitte», означающему «просьбу» князя к подданным внести в государственную казну некую сумму денег. Строго говоря, сама процедура взимания «Bede» носила *договорной* характер. Князь делал «оферту» сообществу обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность. А сообщество конклюдентно, т.е. внесением установленной денежной суммы, осуществляло «акцепт» этой оферты.

Итак, война, будь то оборона или «превентивное нападение», является повивальной бабкой финансовой системы. Сюда можно добавить и прочие напасти, вроде внутренних мятежей, мора, наводнений, пожаров и т.п. Этимология слова «Bede» (просьба) подводит к мысли о том, что известные нам из 12 века регулярные налоги возникли из *чрезвычайных сборов*⁴ (*курсив мой — С.К.*). Чрезвычайное положение сообщества предполагает чрезвычайные потребности и, следовательно, *чрезвычайный бюджет*. Между тем, «финансовая наука /.../ всегда молчаливо исходит из регулярных нормальных потребностей, в то время как неоспоримый факт заключается в том, что /.../ финансовая практика свои решающие директивы получала от чрезвычайной, /.../ патологической нужды»⁵.

По мнению Гольдшайда, общая, или «чистая» теория государства если и возможна, то практическая ее ценность будет невысокой. Правильный подход к феномену государства возможен только в рамках *финансово-правовой* теории государственной власти. Всегда и всякая «функция государства /.../ ориентирована на структуру его бюджета»⁶. В качестве примера можно указать на зарождение и становление института основных прав человека. В его основе лежит право налогового и бюджетного контроля над органами государства со стороны парламента, т.е. представителей тогдашних налогоплательщиков.

В перспективе Гольдшайда современное налоговое государство (Steuerstaat) представляет собой результат определенной исторической эволюции, или, точнее, деградации имущественного государства (Vermögensstaat). Мы видели, что становление государственности как таковой связано, во-первых, с появлением чрезвычайных налогов и, во-вторых, с их постепенной трансформацией в регулярные налоги. Таким образом, налоги и государственность — явления взаимосвязанные. Однако Гольдшайд ут-

верждает, что современное налоговое государство, во-первых, зависит от налогов и, во-вторых, нуждается в них, прежде всего, для обслуживания своего долга. «В античности и, прежде всего, в эпоху Средневековья, государство, как правило, располагало обширным имуществом, хотя бы в форме княжеской собственности»⁷.

Новая эра государственных финансов связана с появлением и постепенным усилением задолженности князя перед частными кредиторами. В хозяйственном отношении эта тенденция была направлена в самую сердцевину государственного *суверенитета*. В результате государство «попадает в зависимость от частного капитала»⁸. Постепенно налоговый пресс достигает своего социально допустимого предела. «Параллельно с уже недостаточной и не способной на улучшение налоговой техникой, формируется все более совершенная техника долгового бремени (Verschuldungstechnik)»⁹.

Публичная власть раздваивается: учреждается режим политического двойного стандарта. Обремененное долгами налоговое государство становится просителем перед иными с тем, чтобы оставаться повелителем по отношению к неимущим. Гольдшайд задается вопросом: Почему вообще такая метаморфоза публичной власти стала возможной? Почему сильное имущественное государство эпохи развитого Средневековья и периода абсолютизма уступило место нищему налоговому государству современности? Он склоняется к психологическому и одновременно социологическому объяснению, а, именно, к мысли о том, что власть предрержащие стали в массовом порядке переводить публичное имущество в режим частной собственности, прежде всего, в период буржуазных революций. «Нищее государство народ может спокойно захватывать, он обнаружит лишь пустую кассу»¹⁰.

Таким образом, в перспективе Гольдшайда эпоха первоначального накопления выглядит несколько иначе, чем у Маркса. По Гольдшайду буржуазия активно использовала ресурс буржуазных революций для тотальной экспроприации государственного имущества. Более того, сначала экспроприировав государственное имущество, политический авангард буржуазии затем превратился в «кредитора» государства. Эта тенденция четко проявилась в момент создания Banque de France.

«Нет сомнения в том, что Бонапарт дал свое согласие на (появление) организма, который он станет называть «моим банком»»¹¹. Вскоре бенефициарами Банка Франции стали многочисленные родственники Наполеона. С тех пор во всяком европейском государстве мы видим *финансово-правовой дуализм*, или «противопоставление индивидуалистического характера национального богатства (Nationalvermogen) и коллективистского характера национального долга»¹². Другими словами, богатство нации распределено по отдельным индивидам, т.н. верхним десяти тысячам, зато долговое бремя все остальные должны нести солидарно.

¹ Goldscheid R. Op. cit. S. 148.

² Goldscheid R. Op. cit. S. 148.

³ Mayer Th. Das Finanzwesen des Deutschen Reiches // Handbuch der Finanzwissenschaft in 2 Bden. Hrsg. von W. Gerloff und F. Meisel. Tübingen.: Mohr. Bd.1. 1926. S.217.

⁴ Mayer Th. Op. cit. S. 218.

⁵ Goldscheid R. Op. cit. S. 149.

⁶ Goldscheid R. Op. cit. S. 148.

⁷ Goldscheid R. Op. cit. S. 151.

⁸ Goldscheid R. Op. cit. S. 152.

⁹ Goldscheid R. Op. cit. S. 152.

¹⁰ Goldscheid R. Op. cit. S. 153.

¹¹ Redon M. et D. Besnard. La Banque de France. Paris: PUF.1989. P. 8.

¹² Goldscheid R. Op. cit. S. 155.